

и анализ политического дискурса позволит определить конфигурацию политического пространства, возможности противостоящих сил, их приоритеты.

Литература

1. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё. – М. : Socio- Logos, 1993. – 548 с.
2. Зыкин, Д. Власть. Элита. Народ. Подсознание и управляемая демократия / Д. Зыкин. – М. : Изд-во Самотёка, 2007. – 476 с.
3. Рамо, Дж. Седьмое чувство. Под знаком предсказуемости : как прогнозировать и управлять изменениями в цифровую эпоху/ Дж. Рамо. – М. : Эксмо, 2017. – 368 с.

А. В. Тучинский (Минск)

БЕЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОД В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

В последнее время возрос интерес исследователей к изучению понятия эквивалентности, поскольку оно является центральным для науки о переводе и одним из фундаментальных для всего языкознания. Это и понятно, поскольку безэквивалентная лексика фиксирует в языковой памяти народа важнейшие понятия, особенности его жизни, миропонимания и мироощущения, которые находят отражение и надежно хранятся, будучи закрепленными в языке.

Несмотря на многообразие работ, посвященных безэквивалентной лексике, практически отсутствуют исследования по выявлению особенностей проявления категории лексической безэквивалентности французской, русской и белорусской языковой и социокультурной картин мира в сопоставительно-типологическом аспекте. Определение смысловых расхождений и морфологических особенностей безэквивалентных соответствий, выявление их специфики в разноструктурных языках позволяет установить типологические и специфические черты в языковых картинах мира носителей французского, русского и белорусского языков, а также выявить национально-культурную, ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию французского, русского и белорусского народов, что является актуальным в современной лингвистической науке.

В этой связи уместно говорить о проблемах многоязычия, а точнее субординативного мультилингвизма – такого вида многоязычия, когда «один из языков играет более важную роль, чем другой, при этом наблюдается значительная интерференция одного языка при использовании другого» [1, с. 45]. Субординативный мультилингвизм занимает центральное место в образовательном процессе соизучаемому иностранному языку. На прямую зависимость совершенствования умений говорения и понимания на иностранном языке, как указывал Л. В. Шерба, оказывает существенное влияние наличие лингвистического опыта обучающихся [4]. Позже в ряде исследований отмечалось более эффективное усвоение сходных явлений соизучаемых иностранных языков, вследствие переноса лингвистического опыта обучающихся и менее эффективное овладение различающимися либо отсутствующими языковыми явлениями, вследствие интерферирующего влияния соизучаемых языков.

Исследование лексики в ракурсе представления ею культурных концептов чрезвычайно важно, поскольку именно национально-специфические элементы текста относительно другого языка и другой культуры играют особую роль в межязыковой и межкультурной коммуникации. Французская и славянская культуры имеют разные истоки и основы формирования, что обуславливает значительные расхождения социокультурных и языковых картин мира. Важную роль при этом играют реалии, обладающие способностью раскрывать зна-

чимые концепты конкретной культуры. На первый план выступают вопросы, касающиеся трансляции культурных концептов и их вербализации с помощью культурно-маркированных языковых единиц, отражающих социокультурную картину мира той или иной этнической общности. Поскольку носители разных языков видят мир через призму своих языков и культуры, каждому языку свойствен свой (оригинальный) способ номинирования культурных концептов. Будучи единицей коллективного знания, имеющей этнокультурный оттенок и языковое выражение в виде реалии, концепт как единица культуры фиксирует содержание и ценность универсальных особенностей сознания и культуры [3, с. 316–317].

Знакомство с той или иной культурой неизменно сопровождается соприкосновением с особым миром слов, обозначающих соответствующие реалии. В испаноязычной среде *flamenco, bolero, corrida, fiesta, Don, Spanish Armada, conquistador, castanets, gaucho, machete, poncho, siesta...*, в арабо-мусульманском регионе – *Koran, sura, mosque, minaret, mullah, Allah, the Prophet, haj, mezzin, Mecca, jihad...* В современной еврейской культуре – *Fretz Israel, Torah, Talmud, kibbutz, yeshiva, synagogue, Rabbi, Kosher, Rosh Hashana*. С переводческой проблемой воссоздания на другом языке местного колорита связана и давно известная проблема пересоздания заимствованной лексики. В переводе эта проблема имеет специфический оттенок, так как связана она с восприятием конкретной фразеологической единицы носителем языка. Приведем примеры заимствований русского языка, которые стали широко употребляться в других языках, в частности, в английском и французском: *академгородок, бабушка, белые ночи, блины, борцы, винегрет, Грановитая палата, Звездный городок, каракуль, квас, кулебяка, кулич, кумыс, Мариинский театр, МХАТ, оттепель, пирожки, потемкинские деревни, спутник, степь, Таврический дворец, тройка, царь, Ясная Поляна*. С другой стороны, современный французский язык в настоящее время широко использует английские слова: *attorney, autostop, baby, badge, best seller, building, business, camping, cocker, cocktail, copyright, dancing, design, drugstore, drink, engineering, five-o'clock, gadget, hall, hobby, interview (interviewer), jazz, job, jogging, joint-venture, kidnapper, label, lady, leader, living, lobby, look, management, marketing, music-hall, nursery, O.K., parking, patient, performance, poster, pullover, relaxer, sandwich, script, sexy, shampooing, shopping, show, skating, slip, slogan, smash, smoking, snack-bar, sofa, speaker, star, sweater, toast, up-to-date, wagon, week-end, whisky*.

Каждая культура имеет значительное количество безэквивалентных лексических единиц, которые, являясь маркером культуры, традиций и истории народа, образуют автономную подгруппу и передают концепты, которые обозначают предметы быта, явления, свойственные исключительно данному этносу. При этом количество таких единиц в разных языках, регистрируемых толковыми словарями, неодинаково и обусловлено объективными факторами. Формирование культурно маркированного словарного состава языка – длительный процесс, и во многом он зависит от близости народов-носителей. В словаре французского языка безэквивалентная лексика составляет около 2 %. Это означает, что на ее долю приходится ориентировочно 10 000 единиц из 500 000 слов. Безэквивалентная лексика русского языка составляет 6–7 % от общего количества активно употребляемых русских слов. Будучи отдельным самостоятельным сегментом словарного состава, такая лексика, отражая существенное и важное в культуре и показывая глубокие корни истории и общественной жизни данного этноса, функционально направлена в специальную, с точки зрения данного языка, область знаний, позволяя понять менталитет данного народа и его культурную картину мира.

Во французском языке доля безэквивалентной лексики (по отношению к русскому и белорусскому языкам) составляет, по нашим подсчетам, приблизительно 400 лексем. В современном французском языке доля английских слов весьма значительна: нам удалось выявить более 200 английских слов, широко используемых во французском языке в наши дни: *attorney, autostop, baby, badge, bestseller, blue-jean, boy-scout, brainstorming, bridge (jeu de cartes), building, business, camping, cocker, cocktail, copyright, dancing, design, drugstore, drink, engineering, five-o'clock, folklore, gadget, hall, hobby, interview (interviewer), jazz, job, jogging, joint-venture, kidnapper, label, lady, leader, living, lobby, look, management, marketing, music-hall, nursery, O.K., parking, patient, performance, poster, pullover, relaxer, sandwich, script, sexy, shampooing, shopping, show, skating, slip, slogan, smash, smoking, snack-bar, sofa, speaker, star, sweater, toast, up-to-date, wagon, week-end, whisky* и т. д.

Здесь следует отметить недостаточную изученность безэквивалентной лексики в качестве источника реконструкции культурно-языкового сознания. Между тем этот пласт лексики представляет определенную систему, организованную структурно, семантически, ибо она фиксирует константы сознания и культуры, значимые для всех носителей данного языка. Эта лексика, отображающая своеобразие жизни, истории, культуры разных стран и народов, и в то же время сохраняющая свою национальную и историческую окрашенность, является своего рода индикатором интенсивности взаимоотношений между культурами. По составу слов, заимствованных культурой-рецептором, можно судить о действительных приоритетах межкультурного обмена, о настоящем предмете взаимного интереса и о геополитической расстановке сил и могуществе державы. Например, наличие значительного количества «гастрономических» заимствований из французского языка подтверждает ведущую роль Франции в данной области. Согласно типологии Е. Ф. Тарасова, заимствоваться могут культурные предметы (артефакты), идеи (знания) и деятельности (не только новые для культуры-рецептора, но и новые способы осуществления старых деятельностей) [2].

Отобранный на основе сплошной выборки из достоверных источников корпус безэквивалентной лексики и проведенный лингвистический анализ структурированных тематических групп позволяют прийти к однозначному выводу о том, что центральное место в слове-тезаурусе занимают имена существительные. Именно существительные служат обозначением конкретных материальных предметов и явлений. Предметность является доминирующим семантическим свойством слов-реалий, среди которых преобладают конкретные нарицательные существительные. Имеются также имена собственные, которые получили общенациональную известность благодаря обозначению уникальных объектов этнокультуры и приобрели статус слов-реалий.

В связи с имеющими место проблемами и вызовами современного глобализующегося мира происходят естественные соответствующие изменения и в лексическом составе практически любого языка. Лексический состав каждого национального языка представляет собой сложную систему отражения многовекового опыта познания окружающей действительности определенной этнической общности. Именно безэквивалентная лексика является особой формой выражения национально-языкового своеобразия и тем дифференциальным языковым признаком, который позволяет отличать специфические черты одной нации от другой. В результате появляются новые слова, которые, являясь, как правило, первоначально прямыми заимствованиями, впоследствии трансформируются в универсалии, доступные и понятные всем членам общества. Без знания этих универсалий, отражающих национально-культурный фон языка, невозможно их адекватное восприятие носителями другой – иной культуры.

Літаратура

1. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 263 с.
2. Тарасов, Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е. Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры : сб. ст. / Рос. акад. наук [и др.] ; редкол.: М. Б. Ешич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 2000. – С. 30–45.
3. Тучинский, А. В. Культурные концепты славянского мира как инструмент подготовки специалиста в области межкультурной коммуникации в Республике Беларусь / А. В. Тучинский // Высшая школа: проблемы и перспективы : материалы 13-й Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 20 фев. 2018 г. : в 3 ч. Ч. 2. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 315–319.
4. Щерба, Л. В. Преподавание языков в школе: общие вопросы методики : учеб. пособие / Л. В. Щерба. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2002. – 160 с.

С. М. Тычына (Беларусь)

ВОБРАЗ ДЗІЦЦАЎ У ДРАМЕ «РАСКІДАНАЕ ГНЯЗДО» Я. КУПАЛЫ

У XIX ст. узнікае асабліва цікавасць пісьменнікаў да дзіцяці як да асобы. Для аўтараў гэтага часу дзіця – гэта найперш увасабленне беззаганнасці, бязгрэшнасці (праўда, у «Дзядках» А. Міцкевіча чыстыя душы малых не могуць патрапіць у рай, бо не зведалі ў жыцці нічога горкага). У творчасці пісьменнікаў з'яўляецца матыў «пакрыўджанага дзіця», які для некаторых аўтараў (Ф. Дастаеўскі, Ч. Дзікенс) становіцца скразным. У Ч. Дзікенса шэраг раманаў прысвечаны лёсу дзіця (напрыклад, «Прыгоды Олівера Твіста», «Дзвід Коперфільд»). Праблема выхавання дзіця і яго сталення ў жорсткіх умовах «дарослага свету» не ў апошнюю чаргу хвалявала пісьменніка ў сувязі з яго асабістым жыццёвым вопытам. У творчасці Ф. Дастаеўскага тэма лёсу дзіця (нават дакладней – пакутаў дзіця) таксама з'яўляецца вельмі важнай. Ёй прысвечаны старонкі ў «Братах Карамазовых», «Зняважаных і абражаных», «Вечным мужы». Яна, як адзначыў М. Бахцін, раскрываецца ў некаторых снах герояў Ф. Дастаеўскага, дзе перарастае ў асобную тэму – тэму пакрыўджанай дзяўчынкі (у сненні Свідрыгайлава) [1, с. 262]. Пазней даследчык Д. Нячаенка ў сваёй працы «Сон заповітных поўна знакаў» зробіць выснову: «Вобраз дзіцячай цнатлівасці, рахманасці, беззаганнасці, «дзіця» – прынцыповы і шматсэнсавы мастацка-філасофскі сімвал у сістэме паэтыкі Дастаеўскага» [3, с. 277]. Дзіця ў рускіх рэалістаў не толькі мера чысціні, любові, але і папрок грахоўнаму чалавеку (варта ўгадаць немаўля на руках Божай маці і словы Ісуса пра дзіцей і Царства Нябеснае [гл. Мацвей: 18; 1–7]). Таму ўзнікненне ў снах герояў вобразу дзіця, якое агідна хіхікае, успрымаецца як сімвал маральнага падзення чалавека, сімвал жудасны па сваёй яркасці.

Пільная ўвага пісьменнікаў XIX ст. да праблем маленькага чалавека паўплывала на далейшае развіццё характараў малалетніх герояў у літаратуры XX ст., дзе дзіця – не толькі статычны вобраз, але і яркі, дзейсны персанаж. Напрыклад, у драме Янкі Купалы «Раскіданае гняздо» сустракаецца дзіця, якое займае ў творы такое ж важнае месца, як і дарослыя героі. Маецца на ўвазе, безумоўна, Данілка, якога аўтар у першадруку ахарактарызаваў наступным чынам: «Данілка – 14 г. Разумны хлопец не па сваіх гадах, чамусьці лічаць яго скарэй за дурнаватага, чымся за разумнага. Цікавіцца ўсім чыста, але часта непападае задае пытанні. Яму ўсе патураюць, мала зварочваюць на яго асобу ўвагу» [4, с. 387]. Данілка мірыцца са сваім статусам «дзіця» і не крыўдуе, калі да яго слоў не прыслухоўваюцца. Але, трэба сказаць, ігнаруюць яго цалкам не апраўдана. Значная частка па-жыццёваму мудрых выказванняў, назіранняў